

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 168.522

М. Ю. Гудова

ПОСТГРАМОТНОСТЬ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Аннотация. В статье дается анализ феномена «постграмотность», определяющего современную культуру письма и чтения. Цель исследования заключалась в том, чтобы проследить исторические корни явления, выявить его актуальную форму и тенденции развития, предложить стратегию решения проблемы постграмотности. Культурологическая методология позволила выявить такие черты рассматриваемого феномена, как сосуществование разных культурно-исторических форм грамотности письма, смещение доминант грамотности на компьютерные формы, а также субверсия каналов трансляции грамотности.

Автор делает значимый в контексте теории и истории культуры, педагогической культурологии, теории и методики обучения и воспитания вывод о том, что постграмотность – это владение всеми формами письма, востребованными в современной обществе. При выборе форм грамотности, которым необходимо обучать подрастающее поколение, и при организации обучения компьютерной грамотности старшего поколения следует сочетать достижения классической книжной культуры слова с достижениями цифровой информационной цивилизации, т. е. стратегия обучения грамотности должна строиться с опорой одновременно и на цивилизационно-эффективный, и на культуросообразный подходы.

Ключевые слова: постграмотность, грамотность, письменность, книжность.

Abstract. The paper deals with the post-literacy phenomenon determining the modern culture of reading and writing. The research objective includes tracing the historic roots of the phenomenon in question, specifying its actual forms and trends and proposing the strategy of solving the post-literacy problem. The methodology of culture studies makes it possible to identify such traits of the post-literacy phenomenon as co-existence of different cultural and historic forms of writing literacy, shifting the literacy dominant toward the computer forms and channel subversion of the literacy translation.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК № П433 от 12.05.2010 г.).

In the context of culture studies, pedagogic culturology and the theory and practice of education and upbringing, the author makes a conclusion that post-literacy implies the ability to use all forms of writing required in the modern society.

Choosing the necessary literacy forms for teaching the young generation and organizing the computer literacy training for the elder generation, it is important to combine the achievements of classical book culture with those of the digital information technology, i.e. the strategy of literacy teaching should be based both on effective civilizational and culture oriented approaches.

Index terms: post-literacy, literacy, writing, booklore.

Понятие «постграмотность» было введено сначала в социологию культуры, а позднее и в философию культуры М. Маклюэном в книге «Галактика Гуттенберга» [3]. В этом труде пятидесятилетней давности американский ученый отмечает свойственные его времени приметы новой культурной эпохи – расцвет империи медиа (телевидения и радио) и сосуществование трех форм социокультурной трансляции информации: устной – до-письменной, до-грамотной, до-книжной; письменной, грамотной и книжной; постписьменной, постграмотной и посткнижной.

То, что во времена Маклюэна было интуитивным прозрением, сегодня нуждается в философско-культурологическом обосновании. Рассуждения Маклюэна основываются на понятии «грамотность», которое имеет ряд специфических отличий от близких ему понятий письменности и книжности.

Понятие «письменность» является основополагающим, наиболее общим, поскольку характеризует наличие в обществе специфического способа трансляции социокультурной информации при помощи фиксации, воспроизведения и последующей интерпретации определенной последовательности и сочетания знаков, принадлежащих к определенным языковым знаковым системам. Единицей письменности как социокультурного явления служит знак, буква – *litera*. Поэтому, говоря об эпохе письма и постписьменной эпохе, Маклюэн употребляет слова *literacy* и *postliteracy*. Однако в отечественной философии культуры эти исходные понятия письменности и постписьменности существуют в виде понятий «грамотность» и «постграмотность».

Между тем грамотность и письменность являются качествами, характеризующими одну и ту же речевую человеческую деятельность в виде фиксированного высказывания, но рассматривающими ее с разных сторон. Если письменность предполагает знаковую фиксацию высказывания с помощью определенных техник (узелками на веревочке, стилосами на дощечках – церах или бересте, клиньями на влажной керамике, тушью

и пером на папирусе, пергаменте или бумаге, чернилами и шариковыми авторучками в тетрадках) и правил осуществления письменного высказывания (написания букв, обозначения интонации и смысла на письме, произнесения написанных слов и предложений), то грамотность – это определенный уровень овладения письменностью, или уровень свободы письма и чтения, показывающий, насколько успешно общество осваивает возможности письменности и использует их в обыденной жизни.

Грамотность принципиально отличается от письменности еще и тем, что она этимологически предполагает социокультурную функцию не только фиксации мысли в знаковой форме, но и обратного умения, извлечения мысли из некоторой совокупности знаков. Термин «грамотность», происходящий от греч. *grammata* – чтение и письмо, обозначает уверенное владение навыками устной и письменной речи.

На Генеральной конференции ЮНЕСКО (10-я сессия, Париж, 1958) было рекомендовано считать грамотными лиц, умеющих читать с пониманием, последовательно излагать прочитанное, а также давать краткое описание своей повседневной жизни. То есть грамотность – это умение в устной или письменной речи излагать свои мысли в соответствии с нормами литературного языка (грамматическими, стилистическими, орфоэпическими и др.).

На основании письменности и грамотности возник следующий социокультурный феномен – книжность. Книга – это более позднее изобретение культуры, направленное не только на фиксацию некоей мысли, но и на ее системное и долгосрочное хранение и интерпретацию. Книга существовала, как мы знаем из многочисленных исследований по истории культуры и истории книги, и в виде свитка: горизонтального или вертикального, и в виде кодекса – собрания отдельных страниц в тома, сначала в виде рукописи, затем – отпечатка, оттиска, и, наконец, в виде типографски сверстанных, отпечатанных, прошитых и склеенных тетрадей.

Период XVI–XIX вв., когда совпали по времени и в пространственном отношении все три социокультурных явления – письменности, грамотности и книжности, мы называем периодом классической европейской культуры. Он характеризуется формированием национальных литературных европейских языков (немецкого, французского, итальянского, английского), возникновением институций тиражирования грамотности – школ и университетов, изобретением книгопечатания в Европе Гуттенбергом, в России – Иваном Федоровым, а также формированием основ классической научной рациональности, классической философии и т. д.

В XX в. с развитием сложных информационно-коммуникативных социокультурных технологий, внедрением в повседневную жизнь персональных компьютеров и мобильных средств связи значение понятия «грамотность» расширилось. В расширительном значении и в общенаучном, в том числе в рамках педагогической науки о словоупотреблении, грамотность сегодня обозначает наличие знаний и сформированных навыков в различных социально-значимых областях, определяющих уровень адаптированности гражданина к жизни в социуме: грамотность участников дорожного движения, компьютерная, политическая, финансовая, сексуальная, юридическая грамотность и т. д.

Вместе с тем мы видим, как с приходом в повседневность компьютеров и принтеров другой становится письменность: теперь грамотность компьютерная – знание правил компьютерного ввода, редактирования, форматирования и печати текста – конкурирует со знанием правил грамматики, поскольку письменность все больше становится машинной.

По поводу этих трансформаций книжной, письменной культуры с появлением новых медиа Маршалл Маклюэн заметил: мы «существуем одновременно в двух контрастных по содержанию формах общества и социального бытия» [3, с. 21]: чтения бумажного и чтения экранного, социальных связей и взаимодействий реальных и виртуальных, реальных человеческих сообществ и сообществ виртуальных, воображаемых. Преобразование технических носителей социокультурной информации, по мнению философа, приводит к трансформации содержания общественных отношений и их духовного наполнения: «формы социального опыта, духовного осмысления и самовыражения преобразовывались сначала под воздействием алфавитного письма, затем книгопечатания» [3, с. 22]. Сейчас этот процесс продолжается под влиянием цифровых компьютерных технологий.

Мы живем «в «расчлененном» мире, исчезающем мире книжной культуры и становящемся мире цифровых технологий одновременно. Мы также переживаем момент взаимодействия конкурирующих культур: старой книжной европейской культуры и культуры новой – цифровой» [3, с. 22]. Ситуация постграмотности – это ситуация одновременного существования различных толкований грамотности, различных сфер реализации и различных продуктов грамотности, в конечном счете означающих доступ к социально важной информации.

Грамотность (буквенность, письменность – *letterary, literary*) означает, что в слове и письме фиксируются все вербальные формы человеческого во-

ображения, что это не только, в узком смысле, владение устной и письменной речью, чтением и письмом, но и, в широком смысле, освоение существующих в культуре технических средств и духовно-экзистенциальных способов (память, воображение) фиксации, передачи и сохранения информации.

Отсюда трансформация представлений о грамотности и практика, которая фиксирует смещение доминант грамотности. Если эпохе Гуттенберга – эпохе классической европейской культуры – свойственно доминирование книжной учености и литературной грамотности, то современная эпоха Интернета – это доминирование компьютерной и, шире, цифровой грамотности.

Уровень грамотности – это одновременно и уровень цивилизованности: «обустроенности, чистоты, красоты и комфорта» индивидуальной и общественной жизни [4, с. 35]. «Цивилизованный человек – обязательно труженик и созидатель ... он старается овладеть новейшими средствами труда, испытывает интерес и уважение к научным и техническим знаниям» [Там же].

Оборотная сторона цивилизованности – «варварство: это издевательское, наплевательское отношение к людям знания, науки и подлинной культуры – вместе с культом подделок под искусство, пошлостью и наглостью в средствах массовой информации» [4, с. 86].

Упадок книжной (речевой и письменной) грамотности возвращает нас, по мнению Умберто Эко, к Средним векам, в состояние варварства, редуцируя наши речевые и письменные навыки и сводя письмо к e-mail или sms, а живой диалог к записям в социальных сетях или разговору по скайпу, а также возвращая от словесного к рисуночному письму – пиктографии, предполагающему бесконечное кликанье по иконкам в поиске все более актуальной информации.

С точки зрения С. Коэна, все это свидетельствует о том, что грамотность, как и культура в целом, приобретает массовый характер. И в связи с этим становится «заметно ее проникновение в обыденное сознание повсюду, от деревенских захолустьев до крупнейших столиц; демократичность и доступность школьного обучения, всеобщая грамотность, колоссальные тиражи газет и журналов». Другая тенденция, обнаруженная ученым, состоит в «негативных последствиях внедрения в эту сферу новой техники, способной настолько глубоко изменять массовое сознание, что можно говорить о *переходе всеобщей грамотности в свою противоположность – зрелищную неразборчивость и личностную невосприимчивость к написанному слову*» [2]. По данным социологических исследова-

ний Левада-центра, Россия за последние 20 лет превратилась из страны читателей в страну телезрителей, а жители крупнейших мегаполисов стали обитателями Интернет [1], что влечет за собой очень важные социокультурные последствия.

То же самое утверждает Умберто Эко: современное общество расщепляется на два класса: тех, кто смотрит только телевидение, т. е. получает готовые образы и готовое суждение о мире, без права критического отбора предлагаемой информации, и тех, кто смотрит на экран компьютера, т. е. обладает умением отбирать и обрабатывать информацию [6]. Начинается новое разделение культур подобно тому, как это происходило в Средних веках, существовавшее еще во времена Средневековья: между теми, кто способен был читать рукописи и, значит, критически осмыслять религиозные, философские и научные вопросы, т. е. представителями ученой элитарной культуры, и теми, кто воспитывался исключительно посредством образов в соборе – разглядывания мозаик и фресок, отобранных и обработанных создавшими их носителями средневековой массовой культуры.

«Современная мобильная связь и повсеместная компьютеризация, – пишет Г. Рейнгольд, – вместе с новыми общественными договорами уже меняют способы общения, ухаживания, трудовой и творческой деятельности, соперничества, купли-продажи, управления» [5]. Добавим, что меняют, в том числе, и представления о массовом и элитарном. Наблюдая формирующиеся тренды культурного развития, мы обнаруживаем, что элитарность все чаще устанавливается по двум критериям: цивилизационному и культурному.

Элитарность, соответствующая критерию культурности, заключается в знании того, какие книги существуют и какие стоит прочесть, где настоящую книгу найти, как использовать ее структуру, как сделать закладки, как книгой пользоваться, для того чтобы сохранить личностную самоценность и уникальность. Элитарность, определяемая по цивилизационному критерию, состоит в знании того, как пользоваться новыми информационными средствами для достижения разнообразных общественных и культурных целей.

Итак, описанная нами ситуация постграмотности на эмпирическом уровне характеризуется:

- разнообразием форм грамотности;
- смещением доминант грамотности с азбучно-буквенных на машинно-технические формы грамотности;

• субверсией каналов трансляции грамотности: вместо канала от старших и авторитетных инстанций к обучающимся возникло, в соответствии с гипотезой М. Мид, направление транслирования информации от младших и маргинальных самостоятельных «продвинутых пользователей» к обучающимся.

В связи с этим отношение к уже сложившейся в обществе ситуации постграмотности должно стать ответственным и осознанным. Нужно честно признать факт снижения уровня грамотности письма у представителей младшего и среднего возраста, следствием которого является падение культуры письменных коммуникаций, качества документооборота и разнообразных текстовых сообщений. Зависимость правописания от машинной проверки становится повсеместной, сужение языкового тезауруса приводит к уменьшению понимаемой и интерпретируемой словесно-речевой информации, а неумение выражать эмоции на письме и в устной речи – к расширению сферы применения экспрессивно-эмоциональной ненормативной лексики и т. д.

Вместе с тем отсутствие у большинства представителей старшего возраста компьютерной грамотности приводит к их информационной и технологической зависимости от окружающих. Эти люди выключены из сферы электронного документооборота и электронных услуг (почта, платежи, торговые операции, информационные услуги, электронные заявки в государственные органы, электронные записи и электронные очереди в частные и муниципальные лечебные, банковские и другие учреждения), что усугубляет ситуацию культурной и социальной изолированности этой части населения.

Постграмотность как сформировавшееся явление современной культуры и цивилизации разделило общество технологически и, как следствие, поколенчески на тех, кто остался в старой письменной, традиционной грамотной и книжной культуре, и тех, кто не выучился грамотно писать и читать книги, но является активным компьютерным пользователем и активным субъектом социального действия.

Позиция педагогического сообщества, заинтересованно обсуждающего насущный вопрос, каким формам грамотности обучать подрастающее поколение и каким образом организовать обучение компьютерной грамотности старшего поколения, с точки зрения культуросообразного подхода, может быть лишь одной – предусматривающей сочетание достижений классической книжной культуры слова с достижениями цифровой информационной цивилизации.

Разновозрастным субъектам обучения (представителям младшего и старшего возраста) необходимо создать условия для культурно-цивилизационного технологического диалога, в ходе которого носители книжной культуры будут обучать написанию и чтению пространных, грамотных и разнообразных по целям и задачам текстов в рукописном, книжном и электронном видах, а сами, в свою очередь, будут включены в процесс обучения младшими различными способам создания и извлечения текстовой информации при помощи современных компьютерных технологий.

В этом межпоколенческом культурно-цивилизационном взаимодействии акцент на культуру делается не случайно. Цивилизационный подход выработал очень важное, но предназначенное лишь для оценки быстрых последствий тех или иных решений понятие эффективности. С точки зрения цивилизованности, сегодня наиболее эффективно свести обучение грамотности речи и письма исключительно к освоению компьютерного набора и редактирования текста, а также к овладению грамотностью в использовании компьютерных программ, поддерживающих все формы существующей цифровой коммуникации. Следствием такого цивилизационно-эффективного подхода стало решение педагогического сообщества ряда стран отменить в начальной школе уроки каллиграфии.

Принципиально иным является культурно-ориентированный подход, предусматривающий универсальность. Возникая последовательно в истории культуры, различные формы грамотности не исчезали в процессе культурного развития, а дополняли друг друга, осуществляя различные, но всякий раз специфические и существенные культурные функции. Упомянутое нами узелковое письмо сохранило свое значение в профессиональной коммуникации рыбаков и альпинистов, пиктографическое письмо сегодня служит предметом особого изучения разработчиков цифровой техники и интерфейсов компьютерных программ, иероглифическая письменность продолжает существовать в Японии и Китае наряду с алфавитной, способствуя национальному сплочению и интеграции. Все это позволяет увидеть, что ситуация постграмотности не упрощает, как представляется с точки зрения цивилизационно-эффективного подхода, а усложняет требования к содержанию навыков передачи информации – письма, считывания информации и ее интерпретации – чтения.

Постграмотность, при поверхностном взгляде на проблему кажущаяся тотальной безграмотностью «компьютерного поколения», в ходе внимательного культурологического анализа предстает как совсем иной

содержательный феномен. Постграмотность – это культурно-историческая форма грамотности, вбирающая в себя каждую из предшествующих форм. Быть грамотным сегодня означает владеть всеми формами письма и чтения, востребованными в современной культуре и цивилизации. Когда человек научается считывать и передавать информацию изначально в картинках, затем в условных знаках и символах и, наконец, посредством связного и сложноорганизованного книжного текста, он, с одной стороны, последовательно проходит все стадии развития грамотности в культуре от пиктографии до книжности, а с другой стороны, так же последовательно готовится к овладению компьютерной грамотностью, условием освоения которой является знание и пиктографического, и символического, и алфавитного письма.

Что может предпринять в данной сложнейшей ситуации авторитетное педагогическое сообщество? Стремиться уменьшить разрыв между общественным цивилизационным запросом на эффективное обучение компьютерной грамотности и социокультурной необходимостью сохранять традиционные, рукописные и книжные формы существования культуры и духовности, попытаться сформировать цивилизационно и культурно адаптированного человека, способного действовать и развиваться в ситуации постграмотности.

Литература

1. Гудков А. Российская повседневность. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2007.
2. Коэн Р. Социальные последствия современного технического прогресса [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/Koen_SocPosl.php
3. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. М.: Акад. проект: Фонд «Мир», 2005. 496 с. (Концепции).
4. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов: 2-е изд., расшир. и испр. / Рос. акад. наук; Ин-т философии. М.: ИФРАН; «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010. 480 с.
5. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. 416 с.
6. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Еко/Int_Gutten.php.